

[Вышел 75-й номер журнала «Вся Европа»](#)

Уважаемые читатели! Вышел в свет новый 75-й номер интернет-журнала «Вся Европа», издаваемого Европейским учебным институтом. В нем, как и во всех предыдущих, рассказывается о происходящем в Европейском Союзе и отношениях между Россией и ЕС. Анализируются последние события и новейшие тенденции в политической, экономической, социальной и культурной жизни и правоприменительной практике ЕС и его государств-членов, интересные для российского читателя.

«Двадцать семь», уже через несколько месяцев «двадцать восемь», движутся вперед к все более тесному союзу. В банковской сфере. С точки зрения контроля над расходованием бюджетных средств государств-членов. Под углом выработки и осуществления единого экономического курса. Все быстрее и быстрее. Подгоняемые кризисом. Общностью проблем, с которыми они сталкиваются. Пониманием того, что врозь отныне больше не получится. Но, и это политическую элиту региона пугает все сильнее, противоречия между участниками интеграционного объединения не утрачивают остроты. Они никуда не деваются. Не сглаживаются. Напротив, становятся более глубокими и болезненными. Пробиваются наружу. В публичную сферу. В политический дискурс. Получают четкую артикуляцию. Особенно на волне протестного движения, вызванного растущим неприятием политики жесткой экономии. Более того, политические силы, играющие на этих противоречиях, набирают вес. Приобретают миллионы сторонников. Усиливают свое влияние. Социальная и политическая ткань общества в странах региона меняется. Резко. Конвульсивно. Похоже даже, что необратимо. Анализ этих новых неординарных процессов, ломающих привычную парадигму европейского проекта, красной нитью проходит сквозь статьи, обзоры и комментарии, помещенные в новый, юбилейный выпуск журнала, предлагаемый вашему вниманию. (Начиная с его первого стартового материала из рубрики «Саммит», озаглавленного «Евросоюз: и экономить, и расти».)

Итоги выборов в Италии (мы возвращаемся к анализу их значения для Европы в статье «Итальянские выборы как зеркало идеологического бессилия», помещенной в рубрику «Комментарий») вновь раскололи политический класс и экспертное сообщество на две части. Все дали им одинаковую или почти одинаковую оценку. Они были восприняты как поражение ЕС. Фиаско проводимой им политики жесткой экономии. Отказ населения жертвовать собой, своими заработками, положением, работой во имя эфемерного фетиша единой Европы. Как скатывание электората в недобросовестные объятия разношерстных популистов и безответственных политиков. Однако два лагеря сделали из этого прямо противоположные выводы. (В данном случае мы не касаемся чисто гипотетической перспективы выхода Италии из еврозоны, о чем, как свидетельствует материал «Брюдерле, Италия и евро» из рубрики «Политика», продолжают спорить отдельные, в том числе весьма именитые, политики).

Первый настаивает на том, что необходимо продолжать укреплять зону евро, усиливать наднациональные институты, ограничивать возможности государств манипулировать бюджетами, идти дальше по пути углубления интеграции, делать ставку на взаимопомощь и

солидарность. Единственно, адаптировать проводимую политику принуждения к структурным реформам и жесткой экономии к социальным и экономическим реалиям Европы со всеми ее бедами и противоречиями: рецессией, слабыми надеждами на экономический рост, зашкаливающей безработицей и усиливающимся ропотом населения. Осуществлять ее гибче. Умнее. С учетом специфики каждой страны, а не топорно, как до сих пор.

Второй лагерь требует остановиться, перестать тащить всех в пропасть. Для него очевидно, что надо отказаться от идиллических представлений о том, будто бы Германия и группа тяготеющих к ней северных стран (далее — северян) смогут всех спасти и вытащить. Входящие в него или примкнувшие к нему политики и экономисты предлагают смириться с неизбежным и либо прекратить эксперимент с единой валютой, либо вывести из зоны евро страны, которые не в состоянии по тем или иным причинам сообща выбраться из долговой ямы.

Вот один из образчиков такого подхода. Переход к единой валюте был ошибкой, настаивают многие комментаторы. Против нее предупреждали реалисты, в том числе такие, как будущий канцлер Герхард Шрёдер[1]. Но все были ослеплены величиим политического проекта и необходимостью связать Германию после объединения новыми, еще более жесткими и всеобъемлющими обязательствами. А ведь уже тогда можно было предвидеть, что единая валюта повысит конкурентоспособность сильных экономик и самым негативным образом скажется на конкурентоспособности слабых. Пусть на первых порах последние и будут в восторге от потока дешевых денег, которые начнут с удовольствием проедать. Вот и получилось, как получилось, под ударами кризиса.

Экономика южан обескровлена. Но почему - потому что Германия и северяне сосредоточили у себя промышленное производство и рентабельную часть сектора услуг. (За короткий срок Германии удалось получить триллионный профицит в торговле с партнерами по ЕС - общая валюта стала для Берлина курочкой, несущей золотые яички[2].) Потому что все денежные потоки устремились на север, и все, кто хотят спасти свои сбережения и активы, стали вкладывать их в германскую экономику. Потому что наиболее активные, предприимчивые и перспективные кадры устремились на север в поисках работы и лучшей доли.

Дальше так продолжаться больше не может. Происходящее душит Европу в экономическом плане и подталкивает к взрыву тут и там - в социальном. Надо отпустить южан. Всех или часть. Дать им прибегнуть к универсальной спасительной соломинке — девальвации. Если Брюссель и Берлин не сделают это в превентивном и организованном порядке, развал зоны евро все равно произойдет, но стихийно и с гораздо более тяжелыми последствиями. Колоссальных издержек не удастся избежать никому.

А вот другой вариант, по большому счету, этого же подхода. Его изложению посвящена целая монография, выпущенная крупнейшим французским издательством «Даллоз». Книга называется «Евро». В последнее время она стала активно цитироваться в подтверждение высказываний руководства Франции о валютной войне, якобы ведущейся против еврозоны (американцами, японцами и китайцами). Как аргумент, убеждающий в необходимости решительного снижения обменного курса европейской валюты[3]. Ее автор Жан Пьер Веспирини утверждает, что зона евро была изначально построена неправильно, без учета качественных различий в экономике государств-членов. В ее нынешнем виде она не жизнеспособна. Просто потребовалось время для того, чтобы вскрылись все присущие ей

недостатки. Они сводятся в какой-то мере к следующему.

Во-первых, внутри еврозоны не действуют нормальные рыночные механизмы выравнивания конкурентоспособности между входящими в нее странами. Последние лишены возможности ослаблять свои валюты и делать свое производство и экспорт более дешевыми. В результате они теряют и свой внутренний, и внешний рынки. Таким образом, искусственные условия, созданные в еврозоне, в автоматическом ключе работают на то, чтобы более сильные и богатые страны становились сильнее и богаче, а более слабые и не такие богатые – слабее и беднее.

Во-вторых, согласно правилам участия в еврозоне, менее сильные государства-члены утратили возможность пользоваться также и механизмами стимулирования своей конкурентоспособности в отношении третьих стран через игру на валютных курсах. То есть получается, что их конкурентоспособность подрывается изнутри, а затем их еще и добивают извне.

В-третьих, банковский процент в этих государствах полностью оторван от реальной экономической ситуации. Он никак не связан с динамикой спроса и предложения и возможностями возвращения занятых денег. Ничего кроме пузырей из этого выйти не может. А пузыри всегда лопаются. Рано или поздно. Период беспечности продолжался слишком долго. Лопающиеся пузыри в конечном итоге привели к обвалу экономики. Не факт, что ее удастся так легко восстановить. Тем более мерами жесткой экономии, которые только усугубляют положение.

Вывод до банальности прост. В валютный союз загнаны страны с диаметрально противоположными интересами. Четко видно размежевание на две группы. Костяк первой составляют германоориентированные экономики – сама Германия, а также Австрия, Нидерланды и Финляндия. Второй – средиземноморские: Греция, Испания, Италия, Португалия и Франция. От них, от двух совершенно разных групп, нельзя требовать проведения одинаковой экономической политики и осуществления общего набора мер. Они просто не могут и не должны следовать единому экономическому курсу. «До сих пор, — пишет новоявленный авторитет, книгу которого спешно сняли со слегка запылившихся полок, — Германии удавалось навязывать всей зоне евро такую экономическую политику, которая отвечала ее идеологии и интересам. Катастрофическое падение роста во всем средиземноморском регионе вызвано главным образом тем, что Германия и они сами навязали себе экономическую политику, совершенно непригодную к их реалиям»[4].

Выход один – радикально пересмотреть то, как функционирует зона евро. Иначе говоря, отказаться от нее в ее нынешнем виде. Привести экономическую политику, проводимую странами зоны, и осуществляемые ими меры в соответствие с конкретными, а не выдуманными потребностями южан. Вернуть им суверенные инструменты восстановления конкурентоспособности через игру на понижение валют. Если еврозона сохраняется, то на понижение курса евро. Фактически девальвировать евро. В изложении Ж.-П.Веспирини эти рекомендации звучат так: южанам нужно добиться «радикального пересмотра бюджетной политики, поставив перед собой экономически оправданные и достижимые цели, вместо надуманных и недостижимых». Одновременно с этим они должны настаивать «на столь же радикальном пересмотре валютной политики, чтобы покончить с завышенным курсом евро для их стран». По сути, эти слова – концентрированное отрицание всего того, к чему стремились и

чего добивались Германия, северяне в целом и институты ЕС, конструируя свои действия по выводу ЕС и еврозоны из кризиса.

Познакомимся теперь с базовыми элементами противоположной парадигмы. Да, тяготы кризиса очень велики. Безработица. Падение производства. Сокращение ВВП. Снижение жизненного уровня. Рост недовольства. Но против кого? Против Германии, которая всем помогает. Против яйцеголовых бюрократов, сидящих в высоких есовских кабинетах. Против такой политики лечения заболевших склеротичных европейских экономик, которая перекладывает все тяготы кризиса на простых людей. Да, но лишь отчасти. Главным образом протест направлен против национальной партократии (или плутократии – как кому больше нравится). А бегство капиталов, производств, кадров на север в любом случае гораздо лучше войн и конфликтов, которыми подобные кризисы заканчивались ранее.

Достижения ЕС очень велики. Они огромны. И под ударами кризиса ЕС еще дальше удалось продвинуться по пути создания гораздо более надежного и работающего экономического механизма в масштабах региона. Прошлые ошибки изучены. Исправлены. Они больше не повторятся. Просчеты Маастрихтского договора просчитаны. Глупость, запрещавшая приходить на помощь оступившимся экономикам, устранена. Полномочия Европейского центрального банка расширены. Он превратился в реального гаранта евро и взял на себя обязательства пресекать спекулятивные атаки против отдельных стран. Европейской Комиссии доверено контролировать бюджетную политику государств, святое святых национального суверенитета. Лет пять назад это показалось бы фантастикой. Абрис наднационального экономического правительства проступает все отчетливей.

Путь вперед тоже сейчас намного яснее. Это движение к усилению федералистских начал в построении объединенной Европы. Придание институтам большей демократической легитимности. Укрепление политического союза. Объединение долгов. Укрепление наднационального контроля над осуществлением экономической политики, проводимой национальными органами власти и управления. Короче, дальнейший трансферт суверенных полномочий вслед за централизацией финансового могущества[5]. Если Ангеле Меркель удастся этого добиться, с опорой на близких союзников и институты ЕС, она навсегда войдет в историю как самый выдающийся политик мирового калибра. А то, что на смену размежеванию Европы по линии Восток-Запад пришло разделение на «относительно процветающий Север и хаотичный Юг», кто же против этого спорит. Также как и против того, что «вместо Европы, возглавляемой Францией и Германией с Великобританией, играющей балансирующую роль», возникла Европа, «лидирующая роль в которой легла почти полностью на плечи Германии»[6].

Может быть, приведенная логика рассуждений является очень верной и правильной, говорят в ответ те, кто причисляет себя к стану реалистов (еще одному, третьему), т.е. те, кто пытается отыскать рациональное зерно в аргументах сторонников обоих лагерей. Но население просто не выдержит. Политику жесткой экономии населению уже «просто не продать»[7]. Еще чуть-чуть, еще пара-тройка процентов безработицы – и ткань социального мира начнет рваться. Партии и движения, выступающие против ЕС, уже повсюду набирают силу. Не только в Великобритании. Там это более заметно. Но и во Франции, где Мари Ле Пен призывает к референдуму о выходе из ЕС, и даже в Германии. Если так дело пойдет, людей придется удерживать в ЕС и еврозоне силой[8]. Может, политику жесткой экономии стоит достроить

политикой стимулирования потребления в богатых странах севера или чем-то еще. Позволить себе покупать больше товаров, производимых южанами. Во всяком случае, прислушаться к предупреждению, прозвучавшему из Италии. Или есовцам нужна еще большая встряска для того, чтобы это осознать?

Что касается руководства старшего члена правящей коалиции Великобритании, оно такую встряску уже получило. На условно промежуточных парламентских выборах в одном из округов на юге Англии тори потерпели сокрушительное поражение. Партия независимости набрала 28% голосов (по сравнению с 3,6% в 2010 году). Консерваторы получили на три процентных пункта меньше. Победили либералы. То есть тори оказались на «почетном» третьем месте с учетом того, что лейбористы в округе почти не котируются. По оценкам аналитиков, подобный результат делает вполне вероятным сценарий, по которому на выборах 2015 года Партия независимости переманит к себе значительную часть электората консерваторов, а чистую победу сразу одержат лейбористы. (На это указывают и опросы общественного мнения, анализируемые в статье из нынешнего номера «Желающих ломиться в открытую дверь поубавилось», помещенной в рубрику «Дневник событий»). Казалось бы, в осуществляемый правительством политический курс нужно спешно вносить серьезные коррективы. Такие призывы слышны со всех сторон. С ними выступают партийцы и парламентарии – свои и чужие, экономисты – английские и иностранные[9]. Причем очень активно. Ан нет. Дэвид Камерон решительно заявил, что продолжит его осуществление. Что этот курс единственно правильный. И никакого сдвига вправо не произойдет. На инвестиции в инфраструктурные, образовательные и иные проекты будет переброшено исключительно то, что удастся сэкономить по другим статьям бюджета. Выглядит твердо и внушительно. Только справляться со своими евроскептиками, как утверждает растущее число экспертов и политиков, ему будет все сложнее и сложнее[10].

Стоит иметь в виду, вместе с тем, что нападки на Дэвида Камерона, усиливающиеся внутри его собственной партии, фактически лишают его возможности для маневра. Любое отступление от курса на санацию экономики, как неременного условия для здорового экономического роста, будет воспринято как поражение, признак слабости и признание своей некомпетентности и профессионального несоответствия со всеми вытекающими последствиями. Но и избиратели не дают ему свернуть с избранного пути. Все опросы общественного мнения показывают, что в вопросах экономики ему и его министру финансов доверяют в большей степени, чем лидерам лейбористов, в частности главе лейбористов Эд.Милибанду. Их призывы увеличить заимствования для стимулирования экономического подъема воспринимаются населением как какая-то аберрация[11].

Любопытно, впрочем, что руководство институтов ЕС, Германии и тяготеющих к ней стран действия Дэвида Камерона на экономическом фронте по большому счету устраивают. Во-первых, то, что даже такие рьяные оппоненты еврозоны, как англичане, придерживаются рецептов преодоления кризиса, на которых они настаивают, усиливает их аргументацию. Во-вторых, опыт Великобритании показывает, что принадлежность к зоне евро и необходимость проводить единую экономическую политику для разных групп государств не должны рассматриваться как осложняющие выход из спирали кризиса. Туманный Альбион обладает всеми уровнями свободы. Он активно пользуется таким инструментом восстановления международной конкурентоспособности, как девальвация национальной валюты – фунта

стерлинга. Но ей это никак не помогает. Значит, утверждают идеологи еврозоны, все причитания по поводу диктата северян не имеют под собой оснований.

Точно также, правда, попытались использовать себе на пользу полемику по поводу экономического курса Великобритании и южане, в частности Франция. Смотрите, обращаются к зрителям и читателям крупнейшие французские СМИ, что получилось, вернее, не получилось у англичан. Они обратились к инструментарию жесткой экономии для решения двуединой задачи: чтобы привести в порядок госфинансы и подтолкнуть деловую активность. Ничегошеньки у них не вышло. А ведь Дэвид Камерон со товарищи осуществляет самый ортодоксальный вариант политики затягивания поясов. Дефицит бюджета один из самых высоких в Европе. Под 7,4%. Это по сравнению с 3,7% во Франции, которыми ей все северяне аки свиньей в нос тычут. По прогнозу суверенная задолженность к 2015 г. вырастет аж до 110% ВВП. Рубеж, по достижении которого она начнет снижаться, отодвигается с каждым разом все дальше и дальше. Так что с санацией госфинансов все ясно. Теперь о восстановлении доверия инвесторов. И с ним пшик. Все в долгах, как в шелках – не только государство, но и предприниматели, и домохозяйства. Откуда пойдут инвестиции? Вот и получается, что и производители выжидают, и потребители. В результате ничего радужного в экономике Великобритании не происходит. Прогнозы роста экономики продолжают делаться все менее радужными. С более оптимистических 1,2% их понизили до более реалистичных 0,6%. Вывод очевиден. Другого эффекта, по всей видимости, драконовские меры затягивания поясов дать просто не могут. Ведь под их воздействием поступления в казну сокращаются[12].

Стоит только акцентировать, что проект бюджета Великобритании на следующий финансовый год получил различное прочтение. Французы увидели в нем воплощение «спорных» воззрений британцев на то, что падающую экономику спасут меры стимулирования предложения в условиях сокращения спроса. Отдельные же комментаторы указали: снижение налога на корпорации до 20%, снижение обязательных социальных выплат бизнеса, кредитование приобретения жилья (в размере 133 млрд фунтов стерлингов), готовность потянуть с достижением цели снижения бюджетного дефицита и разрешение Банку Англии отпустить инфляцию, предусматриваемые бюджетными ориентирами, означают фактическое признание провальности предшествующего курса и возвращение к классической кейнсианской модели выхода из кризиса[13].

В правящей элите размежевание происходит в несколько иной системе координат. Руководство Европейского Совета и Европейской Комиссии вместе с лидерами Германии и тяготеющих к ней стран настаивают на последовательном продолжении политики жесткой экономии до тех пор, пока она не начнет приносить ощутимые плоды (см. материал «Евросоюз: и экономить, и расти» из рубрики «Саммит»). Результативность ее осуществления видят в достижении сбалансированности бюджета. Снижении стоимости факторов производства. Повышении производительности труда. Росте международной конкурентоспособности. Причем все понимают, что северяне, может быть, и готовы были бы пойти на некоторое смягчение своих требований к партнерам по ЕС и еврозоне, но не в состоянии этого сделать по внутривнутриполитическим соображениям. У Германии на носу парламентские выборы. Поэтому ни на какой отход от того, чтобы «строить» остальные страны ЕС, Ангела Меркель не пойдет. Ей элементарно не дадут этого сделать соратники по партии.

Противоположная сторона тоже определилась. Южане сформировали свой блок. Его костяк образуют Испания и Италия. На капитанском мостике – Франция. Ведомые Франсуа Олландом, они настаивают на том, чтобы во главу угла экономической политики ЕС поставить реализацию курса на экономический рост, реиндустриализацию и решение проблемы занятости, не отказываясь при этом полностью от политики санации внутреннего рынка. Подобными лозунгами они оперируют уже достаточно давно, со времен президентской кампании во Франции. Заставили Союз принять целую серию различных программ и документов. Настояли на выделении на цели роста и занятости приличных сумм.

Однако до сих пор они погоду в ЕС не делают. Все решения зависят от экономически более сильных соседей или, иначе, от тех, кто спасает «падающие экономики». Тем не менее, давление с их стороны усиливается. Председатель Европейской Комиссии и комиссары, отвечающие в ней за экономический блок, констатируют аналитики, подвергаются непрерывно нарастающему прессингу критиков, которые утверждают, что, «добиваясь сокращения бюджетных расходов во имя достижения целей уменьшения задолженности и сохранения евро, они загоняют всех в порочный круг низких или нулевых темпов роста»[14].

В энный раз ареной этих противоречий стало мартовское заседание Европейского Совета. Накануне очередной встречи в верхах «двадцати семи» Мануэл Баррозу обратился к лидерам ЕС с призывом не сворачивать с торной дороги политики жесткой экономии и осуществления назревших структурных реформ. В разосланном всем им обращении акцентируется, что она «начинает приносить плоды, о чем свидетельствуют балансы текущих платежей и восстановление конкурентоспособности». В подтверждение приведенных слов в нем приводятся конкретные цифры, диаграммы и т.п. Они убеждают, что в Ирландии и Португалии ситуация выправляется. По стоимости рабочей силы они больше уже не проигрывают своим основным конкурентам. В этом плане их успехи могли бы послужить примером для других.

Под другими имеются в виду, в частности, Франция, Италия, Бельгия и Венгрия с откровенно завышенной стоимостью рабочей силы. Причем, что характерно, во Франции, Италии и некоторых других странах ЕС она продолжила расти. Главное – в обращении напоминалось, что причины, спровоцировавшие кризис и преддефолтное состояние отдельных стран, полностью не устранены. Соответственно политику, дающую позитивный эффект, надо продолжать. Хотя, конечно, как признает Председатель Европейской Комиссии, с учетом рецессии, замедления темпов экономического роста и усиливающейся безработицы.

Вместе с Мануэлом Баррозу к упреждающей атаке на противников политики жесткой экономии подключился мининдел Германии Гидо Вестервелле. Свое открытое письмо, составленное в форме статьи или заметок на тему, он разместил в Файнэншл Таймс[15]. Суть мессиджа – менять политику жесткой экономии на стимулирование роста путем увеличения расходов, деньги на которые могли бы дать новые заимствования, никак нельзя. Аргументация – страны, наиболее пострадавшие от кризиса, обзавелись правительствами, проводящими разумную политику стабилизации. Народ высказался в их пользу. Типичен в этом плане пример Греции, Ирландии, Испании и Португалии, а не Италии. С недавних пор и Кипра. Да и в Италии даже С.Берлускони поддерживал курс на проведение структурных реформ, за имплементацию которых взялся Марио Монти. Это, во-первых (перечисление ввожу, чтобы мысли Министра выглядели рельефнее). Теперь, во-вторых. Противопоставлять затягивание

поясов и экономический рост совершенно некорректно. Одно не отрицает другое. На самом деле увеличение государственных расходов ведет к их проеданию. Здоровые основы будущего роста создаются иным образом. В-третьих, благотворное влияние политики жесткой экономии в полной мере скажется позже. Через несколько лет. Она имеет долговременное и долгосрочное действие. Вместе с тем, признаки улучшения есть и уже сейчас. Бюджетные дефициты сокращаются. Дисбалансы не столь вызывающие, как раньше. На биржах сделалось спокойнее. В-четвертых, именно безответственные заимствования порождают экономические проблемы и безработицу, а не усилия по снижению госдолга. Ведь увеличение задолженности делает ее обслуживание неподъемным и объясняет бегство капитала и снижение уровня инвестиций. Отсюда и экономический спад и безработица. В-пятых, у всех перед глазами пример Германии. Ее успех в том, что она приступила к структурным реформам раньше других и действовала последовательно. Если бы не это, она так бы и оставалась, как в начале века, «больным человеком Европы».

В завершение своего обращения Гидо Вестервелле прибегает к красивому образному сравнению, чтобы отговорить партнеров от пренебрежения мерами санации. Оно тоже показательно. «Корабль Европа, — пишет он, — находится на важнейшем участке пути. Мы прошли самые опасные скалы, но нам еще только предстоит добраться до тихой гавани. Нам нельзя растерять доверие, которое мы завоевали. Нам надо найти в себе политическую силу и уверенность для того, чтобы продолжать курс на политику стабильности. Приверженность выбранному курсу принесет дивиденды в долгосрочной перспективе». Как изложение позиции — понятно. Как призыв — тоже. Но не как концептуально обоснованный курс действий. Ведь проблема не в том, что кто-то из стран ЕС, читай южане, против бюджетной консолидации или структурных реформ вообще. Нет, они против того, чтобы игнорировали ширящиеся протестные настроения и все те экономические тяготы, которые ложатся на плечи населения, а равно то, что повсюду условия разные. Что подходит одним, совсем не обязательно срабатывает в иной социокультурной среде, в странах, где экономическое положение несколько иное. Во всяком случае, срабатывает хуже или иначе.

С этой точки зрения, гораздо более реалистичным выглядело предупреждение, с которым выступил Марио Монти. На мартовское заседание Европейского Совета он был приглашен по-прежнему, несмотря на поражение на выборах, в качестве представителя (премьер-министра) Италии. Непосредственно под заседание, чтобы оказать на его исход максимальное влияние, он обратился к остальным главам государств и правительств с пространном четырехстраничным посланием. В нем предпринята попытка, оттолкнувшись от личного опыта, объяснить коллегам, что происходит с Евросоюзом. Как указывается в послании, его собственная судьба очень похожа на то, что может ожидать Союз в целом. Проводимая политика правильная. Предпринимаемые меры необходимы. Но для того чтобы они подействовали, требуется время. И на возобновление экономического роста, и на создание необходимого количества рабочих мест. Ни у политиков, ни у Союза его нет. Население, электорат больше не в силах ждать. «В этом контексте, — подчеркнул он, — поддержка реформ и, что еще хуже, самого Европейского Союза стремительно падает»[16]. Вывод, который на словах поддержали все, включая Ангелу Меркель и Мануэла Баррозу, не могли не поддержать, — необходимы шаги, способные в кратчайшие сроки дать экономический эффект и вновь завоевать избирателей на свою сторону. В итоговом документе саммита все они есть: о точечных мерах по стимулированию роста и занятости, особенно среди молодежи, о балансе

между производительными государственными капиталовложениями и потребностями бюджетной дисциплины и т.д.

Тогда почему же только на словах? Да потому, что продолжение всеми прежней политики сокращения государственных расходов и бюджетной консолидации было запрограммировано заранее. Кем? Берлином. Преимущество Германии, по сравнению с остальными, в том, что она не только говорит своим партнерам, как надо, но и делает. И не только делает, но и продавлиывает через структуры еврозоны и ЕС те решения, которые считает нужными. Решения, которые ее устраивают. Чтобы заранее поставить все точки над «и», Берлин накануне мартовского заседания Европейского Совета публично объявил об утвержденных правительством основных ориентирах бюджета на 2014 год. Проект бюджета ждали несколько позже. Однако кабинет провел согласование в рекордные сроки. Естественно, не без умысла. А чтобы послать «четкий сигнал Европе»[17], как акцентировал министр финансов Вольфганг Шойбле, и показать, что сбалансированный бюджет и экономический рост могут идти нога в ногу. Проектом предусматриваются еще более глубокие сокращения расходной части бюджета – на 5 млрд евро. Причем они коснулись здравоохранения, социального обеспечения и защиты окружающей среды. За счет этого Германия уже в 2015 г. выйдет на бездефицитный бюджет. К чему она решительно подталкивает и остальных.

По поводу того, оправдан ли подобный бюджетный консерватизм, имеются большие сомнения. Хотя после обнародования германского бюджета, это уже академическое теоретизирование. Так, многие экономисты, включая тех, кто работает на Файнэншл Таймс, утверждают, что, пойдя Берлин на стимулирование спроса, он бы очень помог партнерам преодолеть рецессию без какого-либо ущерба как для себя, так и для навязываемой всем политики жесткой экономии[18]. В этом они действительно нуждаются. Это Германии до выхода на стопроцентно сбалансированный бюджет рукой подать. Уже в 2013 г. дефицит бюджета составит всего -0,2%. Другим до него еще идти и идти. Вот сухие цифры. По нарастающей. По прогнозам Европейской Комиссии, у Эстонии (второе по благополучию место) дефицит будет равным -0,4%. У Люксембурга -0,9, Финляндии -1,5, Италии -2,1, Австрии -2,5, Мальты -2,9, Бельгии -3%. Однако уже у Словакии превысит разрешенное пороговое значение -3,3%. Нидерландов -3,6, Франции -3,7, Кипра -4,5, Греции -4,6, Португалии -4,9, Словении -5,1, Испании -6,7 и Ирландии -7,3%[19].

Предполагалось, что основной темой саммита станет обмен мнениями по поводу плотного наднационального контроля над сбалансированностью и основными ориентирами национальных бюджетов, о чем главам государств и правительств удалось договориться ранее, и который уже начинает применяться. Вместе с тем, от саммита ожидали также и послаблений для отдельных стран в том, что касается сроков достижения цели выхода на сбалансированные бюджеты. Так, Европейская Комиссия была готова дать Португалии лишний год в виду ее образцового послушания (позволив сохранить дефицит на уровне -5,5% в 2013 г., -4% — в 2014 г., предусмотрев выход на -2,5% только в 2015 г.)[20]. Сходные решения должны были быть приняты по Франции и Испании. Правда, только промежуточного плана. Все они и были приняты. Однако наиболее острым сюжетом заседания должна была стать полемика по поводу того, в какой степени придерживаться политики жесткой экономии и как вернуть регион обратно на путь здорового экономического роста. Завязать такую дискуссию собирался Франсуа Олланд при поддержке остальных южан. Так и получилось.

Более того, все главы государств и правительств, будучи под впечатлением послания Марио Монти и последнего развития событий в регионе, высказались за проведение активной политики стимулирования экономического роста и создания рабочих мест, наряду с политикой затягивания поясов. (Об основных решениях мартовского заседания Европейского Совета рассказывается в материале «Евросоюз: и экономить, и расти» из рубрики «Саммит».) Приняли итоговый документ, призывающий к достижению этих целей и перечисляющий, что можно и следовало бы сделать. Но... курс жесткой экономии ни в чем не поменяли. За исключением одного – переупаковали его в длинный каталог призывов и добрых пожеланий относительно близких южанам целей и тем[21]. У саммита же получилось неординарное продолжение. Какое – постараемся разобраться максимально подробно.

Основной интригой марта, как подчеркивается в номере (хотя в нем рассматривается только ее начальная фаза – см. материал «Маленький Кипр с большими проблемами» из рубрики «В фокусе»), стала история с предоставлением Кипру международного пакета помощи. Так и подмывает назвать ее детективной. Слишком много в ней скользкого, скрытого, непонятного, труднообъяснимого. К тому же ее участники, по мере того, как она раскручивалась, столько раз меняли свои позиции на противоположные. Жонглируя фактами, предположениями, аргументами, как если бы намеренно пытались тем самым еще больше запутать стороннего наблюдателя. (Вольно или невольно, она затрагивается во многих материалах выпуска. Целый ряд язвительных замечаний по ее поводу дается, в частности, в статье «Обмен любезностями» из рубрики «Партнерство». В ней разбирается, как проходила и что дала очередная встреча руководителей исполнительной власти России и ЕС. Ряд интересных предположений, которые старательно замалчиваются мировыми СМИ, высказывается в статье «Кто послабее, тот и заплатит» из рубрики «Комментарий», и т.д.)

Похоже, кипрская история, вслед за парламентскими выборами в Италии, стала еще одним эпизодом в скрытом противостоянии благополучных и проблемных стран ЕС[22]. Просто российский фактор сделал это менее очевидным. Во всяком случае, под этим углом зрения она была представлена отдельными комментаторами. Подобная история, подчеркивается ими, не может добавить уважения Германии и всему блоку северных стран в ЕС. Она свидетельствует о том, что Берлин зашел слишком далеко, ставя своим партнерам неподъемные условия. Похоже, что она «ведет к дальнейшему разрушению единства еврозоны». Она может «показать раз и навсегда, что Германия и ее соратники по насаждению дисциплины переиграли сами себя»[23].

Но давайте по порядку. В качестве первого шага разберем саму легенду о том, как вырабатывался пакет помощи Кипру. Сначала обусловленный взиманием единовременного налога на все депозиты, размещенные в банках островного государства. Затем – банкротством и полубанкротством ведущих банков и введением по сути внешнего надзора за функционированием финансовой системы страны, вернее, за тем, что от нее осталось. После чего те претензии, которые в отношении пакета были выдвинуты. Наконец, мотивировку произошедшего. (В том числе оттолкнувшись от тех резонансов, которые приводятся в одной из центральных статей нынешнего номера – «Германия так и не сделала домашнее задание» из рубрики «Тенденции и прогнозы».)

Достоверная история того, как принималось решение еврогруппы по пакету помощи Кипру,

скорее всего так и останется скрытой от общественности. Она раз за разом переписывалась мировыми СМИ со ссылкой на самых разнообразных участников переговоров. Как справедливо отмечают отдельные комментаторы, «никто в действительности не знает, кто что кому сделал за тот уик-энд, когда пеклась сделка по Кипру»[24]. Вариант, который сейчас пытаются продать зрителям и читателям, выглядит примерно так. Министры финансов собираются на встречу на полях заседания Европейского Совета. Пока нет ничего определенного. Генеральный директор МВФ Кристина Лагард, якобы, настаивает на том, чтобы до 40% было удержано с вкладов двух ведущих банков страны, спасти которые, в ином случае, нецелесообразно. Их надо банкротить. Пакет помощи должен быть сокращен до такого уровня, чтобы вызванное им увеличение бремени задолженности Кипр был бы в состоянии обслуживать. Европейский центральный банк также за немедленное решение. Чтобы киприоты особенно не выкобенивались, предупреждает, что прекратит передачу банкам ликвидности под низкий процент, без которой они рухнут. Но он, напротив, выступает против того, чтобы оставить банки, переживающие сложности, на произвол судьбы, поскольку это могло бы бросить тень на все банковскую систему Европейского Союза. Он предпочел бы взыскать единовременный налог со всех депозитов, процент которого увеличивался бы в какой-то прогрессии в зависимости от их величины. С небольших вкладов - поменьше. С крупных - побольше. Но, и это самый спорный и спекулятивный из моментов версии событий, которому пытаются придать вполне официализированный характер, президент Кипра хотел бы вывести из-под удара российских и других иностранных вкладчиков, пусть и за счет простых киприотов. Чтобы с них не могли удержать свыше 10%. Подобная позиция усиливает противоречия в стане участников «тройки». Уже не в первый раз. Понятно только, что на помощь Кипру «семнадцать» пойдут только при условии глубокой реструктуризации банковского сектора. Ведь весь Кипр считается офшором(!), «потакающим отмыванию грязных денег и уходу от налогов»[25]. Германия заявляет, что никакой другой пакет бундестаг не поддержит. Вкладчики (имеются в виду в основном из России), уводящие деньги в те страны, где они платят меньшие налоги и находятся под не столь плотным надзором, как в других местах, должны принимать на себя риски, с которым сталкиваются банки таких стран. Решение принято[26]. Первоначальное. Его условия все назубок выучили. Еврогруппа соглашается взять на себя кредитование Кипра на сумму только в 10 млрд евро для спасения банковской системы, хотя нужно 17 млрд. Причем это никакой не альтруизм, поскольку кредит и проценты надо будет возвращать. 1,4 млрд дадут приватизация и повышение налогов. Остальные 5,6 млрд должны заплатить вкладчики. Все, включая обладателей вкладов меньше 100 тыс. евро, в нарушение соответствующей директивы ЕС относительно единых критериев и обязательств о гарантиях их неприкосновенности. Последующее происходило уже в публичной сфере, а не как до этого за закрытыми дверями. Пакет т.н. помощи вызвал всеобщее неприятие. Несмотря на разъяснения о том, что из двух зол пришлось выбирать меньшее, что в ином случае потери вкладчиков были бы неизмеримо большими, и что при негативном развитии событий они вообще могут всего лишиться. «Против» выступили очень многие. По Кипру прокатилась протестная волна. Олигархи и связанные с ними политики переполошились. Финансовое сообщество от неожиданности и неординарности предложенного охватила оторопь. Повсюду в Европе политические партии заклеили решение как разрушающее банковский союз и противоречащее базовым принципам и действующему нормативному массиву ЕС. Еврогруппа была уверена в том, что на Кипре президентская республика. Президент распорядится, и все возьмут под козырек. Однако условия спасения, навязанные Кипру, показали общественному

мнению настолько одиозными, что парламент дружно проголосовал «против». «За» не было подано ни одного голоса. Создавшееся положение, спровоцированное «тройкой», было совершенно нетерпимым. Банки Кипра на неопределенное время перестали работать. Они больше не поддерживали текущий оборот. Через них не могли больше проходить и международные транзакции. Все встало. Тем временем начались поиски какого-то другого варианта решения. Увы, варианта «В» не нашлось. Ничего принципиально иного, что устроило бы «тройку» и еврогруппу, Никосия не нашла. Москву, скептически воспринявшую ее посулы, заинтересовать не сумела. В конце концов, ей пришлось возвращаться к тому же самому ультимативному пакету помощи, который обсуждался первоначально, только без неприличных удержаний со счетов менее 100 тыс. евро и с пропорциональным увеличением поборов с более крупных депозитов. Причем в варианте МВФ.

Складную историю разногласий внутри тройки вроде бы подтверждает корреспондентская сеть таких разных газет, как «Файнэншл Таймс» и «Монд». Они живописуют подковерную борьбу алчного МВФ, сопротивляющегося ЕЦБ, Германии, которую удалось уговорить, и президента Кипра Никоса Анастасиадаса, который все испортил. У них, вслед за остальными, получается, что де именно он настоял на том, чтобы взимать оброк с владельцев не только больших состояний, но и малых депозитов[27]. В их изложении «тройка» долгое время не могла договориться между собой о том, как «спасать» Кипр. Наиболее жесткую позицию занимал МВФ, поддерживаемый Берлином. Он настаивал на т.н. «Исландском варианте» спасения банковской системы путем принудительного изменения приоритетности выплат по долговым обязательствам и частичном их списании. Суть его предложения сводилась к слиянию двух крупнейших системообразующих банков страны в один и его разделении на два. Первый, надежный, был бы капитализирован правительством Кипра. Туда пошли бы кредиты, предоставляемые «тройкой». В него были бы переведены все депозиты величиной менее 100 тыс. евро, на которые распространяются европейские гарантии. Второй по определению становился «плохим» банком в том смысле, что сбрасываемые в него все остальные депозиты (т.е. большие состояния, в том числе принадлежащие иностранцам и в первую очередь россиянам) урезались примерно на 20, а то и на все 40%. Тогда и спасение Кипра обошлось бы не в 17 млрд евро, а в половину этой суммы, и реализовался бы сценарий «утруски» финансовой площадки Кипра до среднеевропейских размеров в плане соотношения между оборачиваемыми средствами и ВВП страны. Европейской Комиссии и основным переговорщикам от ЕЦБ и руководителю комитета заместителей министров еврозоны по спасению проблемных стран план, лоббируемый МВФ, откровенно не нравился. Они боялись, что, задев интересы крупных вкладчиков, спровоцируют панику, бегство капиталов и нанесут по экономике Кипра тяжелейший удар[28]. Свара приобрела крайне острый характер. Перешли на личности. Со стороны немцев раздались упреки в том, что всегда находятся люди, легко расходующие чужие деньги. МВФ усиленно продвигал тезис о том, что с Кипром, ввиду его малых размеров, вполне можно попробовать. Он послужит своего рода полигоном. Чтобы вывести переговоры из тупика, Европейская Комиссия предложила прибегнуть к взиманию единовременного налога на депозиты. Это было бы не столь болезненным кровопусканием в отношении крупных состояний. Кроме того, становилось лишь одним из инструментов привлечения средств. Их дополнили бы повышение налогов, национализация пенсионных фондов и др. Однако «тройке» договориться между собой не удалось. Тогда выработку окончательного соглашения взяла на себя спешно созданная еврогруппа. Ее заседание надолго

затянулось. Оно прошло очень тяжело и эмоционально. То, как и чего добивался министр финансов Германии Вольфганг Шойбле, вызвало у президента Кипра нервный срыв. Все, в свою очередь, были удивлены тем, насколько напряженные отношения сложились внутри кипрской делегации. Тем не менее, В.Шойбле в итоге дал согласие на введение единовременного налога на депозиты. Однако Н.Анастасиадис сам установил проценты взиманий, которыми должны были облагаться вклады. С подсказки еврокомиссара по экономике и монетарной политике Олли Рена, который «убеждал не повышать планку налога свыше 10%, чтобы предотвратить бегство капиталов»[29].

История складная. Настораживает в ней только то, что она совершенно не вяжется с тем, что они же сами рассказывали читателям по горячим следам «сенсационного» заседания еврогруппы, т.е. до того, как принятое ею решение подверглось бешеной критике. Первоначальная сводка с места событий выглядела так[30]. Киприоты понимали, что от них потребуют экономии, реформ и всего остального, как это принято сейчас в ЕС. Вместе с тем, они чистосердечно рассчитывали на пакет помощи в размере 17 млрд евро. Однако когда они прибыли на мартовское заседание Европейского Совета, их участь уже была решена. Берлин в полном объеме на такую сумму не соглашался. Только на 10 млрд. И только при том условии, что недостающее будет изъято у вкладчиков, доверивших свои состояния банкам островного государства. Однако в изложении канцлера Германии Ангелы Меркель условия не выглядели такими уж страшными. Президент Кипра Никос Анастасиадис переговорил с ней в кулуарах саммита. Как ему показалось, он получил от нее обнадеживающие заверения. Соответственно он дал согласие на общую схему пакета помощи, предусматривающую получение кредита в обмен на согласие в дополнение/обеспечение него изъять часть средств с депозитов, принадлежащих частным вкладчикам банков. Как сообщали члены его команды, Президент понял так, что от него требуют «подстричь» клиентуру банков на достаточно разумный процент: 7% - с владельцев крупных состояний и 3,5% - с тех, вклад которых не превышает 100 тыс. евро. Поскольку договоренность была уже почти в кармане, слухи о ней начали просачиваться вовне, а Н.Анастасиадис надумал задержаться на заседание министров финансов «семнадцати». Он хотел лишь предложить увеличить(!) процент на большие состояния, чтобы смягчить удар для мелких держателей счетов. Каково же было его удивление, возмущение, что угодно, если не сказать больше, как уверяли сопровождавшие его лица, когда в ответ он выслушал нотацию от Вольфганга Шойбе «немедленно собрать 7 млрд путем стрижки депозитов». Оскорбившись, Президент захотел было покинуть зал. Перед тем как хлопнуть дверью, он, по уверениям свиты, заявил: «Я не могу этого сделать. Вы хотите уничтожить нас. Даже если я на это соглашусь, мне не удастся провести такое». Имелось в виду через парламент. Но тут ему разъяснили, что к чему. И услышанное явилось для киприотов еще одним шоком. ЕЦБ предупредил, что второй по величине банк страны стоит на пороге банкротства. Он более не соответствует критериям получения ликвидности по каналам созданного еврозоной механизма оказания помощи в чрезвычайных обстоятельствах. ЕЦБ больше не будет снабжать его заемными средствами под низкий процент, необходимыми для осуществления повседневных финансовых операций. Смысл угрозы заключался в том, что в случае прекращения поддержки ликвидностью банкротом становился сначала второй по величине банк островного государства. За ним первый. Банковская система была бы разрушена. А Никосия осталась с долговыми обязательствами по суверенным гарантиям на сумму в 30 млрд евро. То есть ни копейки не удалось бы сохранить ни стране, ни вкладчикам. В

своих непримиримых требованиях к Кипру В.Шойбле был не один. Его дружно поддержали финны, словаки и в чуть меньшей степени голландцы. Представители МВФ добивались списания с депозитов уже долгие месяцы. Наконец-то им удалось склонить на свою сторону и Европейскую Комиссию. Иначе она совсем бы потеряла кредитоспособность. Все предлагавшиеся ею и лично Мануэлом Баррозу варианты, направленные на то, чтобы предотвратить бегство капиталов с Кипра, были отвергнуты прогерманским лобби. Столкнувшись с единым фронтом еврогруппы и «тройки», киприоты вынуждены были отступить. Единственно о чем они просили – это утвердить такую схему «стрижки» счетов, которая бы нанесла острову наименьший ущерб. Обсуждался вариант, при котором мелкие вкладчики полностью бы выводились из-под удара. Но киприоты боялись, что превышение планки в 10% лишь еще больше осложнит и без того критическую ситуацию. В этом они нашли понимание у Европейской Комиссии. Правда, в кулуарах сразу же принялись шутить по поводу того, что у Президента, дескать, в друзьях одни только богатеи. Итоговая договоренность, достигнутая в ночь с пятницы на субботу, включала несколько элементов. Согласно пакету, 1,4 млрд должны были быть получены благодаря приватизации и повышению корпоративного налога с 10 до 12,5%. Остальное – с помощью «стрижки». С депозитов, превышающих 100 тыс. евро, в размере 9,9%, что позволяло применить к депозитам, не достигающим этой суммы, коэффициент в размере 6,75%. Покидая заседание, члены официальной делегации Кипра оставались вне себя.

Как видим, версий случившегося много. Они неоднократно переписывались. Какие-то эпизоды расцветались. Какие-то, напротив, затухали. Так, стало известно, что Вашингтон якобы пытался охолодеть руководство МВФ, хотя и без особого успеха. Во что, правда, плохо верится. Руководитель еврогруппы, объясняясь перед депутатами Европарламента, принес извинения за допущенные ошибки, и т.д. Однако, в любом случае, утвердилась одна базовая версия. Фактически она имеет статус официальной. С нее я начал сопоставление. Тем не менее (или поэтому), к ней есть вопросы. Как утверждают умные люди, «дьявол всегда прячется в деталях». Так вот, давайте на некоторые детали посмотрим чуть внимательнее. По информации журналистов, переговорщики от МВФ предлагали оставить кипрские банки тонуть, считая, что их банкротство явилось бы одним из возможных выходов из сложившегося положения[31]. По всей видимости, они исходили из рабочего предположения о том, что банковская система Кипра, в отличие от ирландской или испанской, сравнительно небольшая. Она не связана с континентальной системой. Они не переплетены между собой ни потоками транзакций, ни филиалами и т.д., ничем. Ею вполне можно было бы пожертвовать. Все остальные оценивали реальность совершенно иначе. «Семнадцать» спасали не кипрские банки, а островное государство в целом и все его население. Банкротство банков неминуемо повлекло бы за собой и банкротство государства. Выплатить пострадавшим вкладчикам гарантированные директивой ЕС от 2 июля 2010 г. до 100 тыс. евро Кипр бы не смог. 30 млрд евро, как уже упоминалось, у него не было и нет. Все население потеряло бы свои сбережения. Государство не смогло бы больше функционировать. Банкротство и разорение одного отдельно взятого члена ЕС и еврозоны стали бы банкротством европейской идеи в целом. Апологеты ЕС утверждают, что «семнадцать» спасали бедный Кипр и его население. В гораздо большей степени они спасали себя. Только слишком уж садомазохистским способом.

Окончательный вариант, на котором остановились Кипр и еврогруппа, – мелких вкладчиков не трогают. Крупных вкладчиков, акционеров и кредиторов второго по величине банка

фактически оставляют ни с чем (т.е. полностью обирают). Частью средств акционеров, кредиторов и крупных вкладчиков осуществляется рекапитализация крупнейшего банка – Банка Кипра. По завершении переходного периода им должны компенсировать потери его акциями. Когда только это может произойти и случится ли, никто не знает. Проводится внешний аудит банковской системы на предмет отмыwania грязных денег. Кредит в 10 млрд евро предоставляется самому Кипру, а не его банковскому сектору. И только под неусыпным международным контролем.

Придумав схему стабилизации кипрских финансов с принудительным участием владельцев депозитов, утверждают также евроэнтузиасты, «семнадцать» помогли сберечь деньги россиян. В случае банкротства они потеряли бы все. Так – только частицу своих накоплений. ВВП Кипра не превышает 18 млрд евро. На счетах кипрских банков лежало на порядок больше. По официальным данным, 43 млрд евро принадлежат гражданам Кипра (резидентам). Из них 26,2 – частным лицам и 2,3 млрд евро – предприятиям. 4,7 млрд были положены на счета нерезидентами из стран ЕС. 20,8 млрд приходится на российских вкладчиков. Поэтому, дескать, Россия, россияне, политическая элита страны должны быть благодарны есовцам[32]. С формальной точки зрения, логика подобных рассуждений выглядит безупречной. Но лишь с формальной. Прежде всего, якобы спасая российские капиталы за счет их держателей, неплохо было бы заручиться согласием Москвы на предлагаемую схему[33]. Как выяснилось после того, как парламент Кипра единодушно проголосовал «против» первоначально предложенного пакета, как он посчитал, издевательского и убийственного, такие переговоры все равно понадобились. Но, пожалуй, еще большее значение имело то, что «семнадцать» намеренно закрыли глаза на очевидные факты. Банковская система Кипра тесно связана с денежными потоками, идущими через Кипр в Россию и из России. Закупоривая банковскую систему островного государства своими необдуманными действиями – она оказалась на какое-то время парализованной – ЕС наносил ощутимый ущерб экономике России в целом[34]. Существенный. Одни биржевые потери составили колоссальные суммы. Плюс потери от нарушения нормального функционирования предприятий. А панические настроения? Неопределенность? Нервы? До таких «мелочей», смотря для кого, «тройке» и министрам финансов «семнадцати» вообще не было никакого дела. Так в международных отношениях себя не ведут. Просто не ведут, и все. Никогда. Это полное отсутствие элементарной человеческой и политической культуры[35].

В Москве действия еврогруппы вызвали неприкрытое раздражение. Мировые СМИ моментально подхватили и растиражировали критические и язвительные высказывания российского руководства. Президента В.В.Путина об их непрофессионализме и т.д. Премьер-министра Д.А.Медведева про «слона в посудной лавке» и о том, что «все ошибки, которые только можно сделать, были ими сделаны»[36]. Но решение еврогруппы по пакету помощи Кипру встретили в штыки отнюдь не только в Москве. Оно вызвало бурный поток критических замечаний со всех сторон. Слегка поколебавшись, комментаторы и аналитики дружно назвали его кто опрометчивым шагом, кто крупной, а кто и «ужасной ошибкой», «узаконенной формой ограбления банка»[37]. В большинстве своем выпущенные ими критические стрелы касались нарушения одной из узловых заповедей, в соответствии с которыми функционирует банковская система[38]. Вклады святы. Их нельзя трогать. Это табу[39]. За их счет нельзя поправлять дела. Можно делать все, что угодно, но только не отбирать у вкладчиков часть вложенных средств. Потому что на вкладах живет, на них держится вся банковская система. Вклады – это средство

сбережения денег. И накопления тоже. Но в первую очередь сбережения того, что людьми и компаниями заработано. Тем или иным образом. Если вкладчики почувствуют, что у них могут отобрать депозиты, не рискованные деньги, не вложения в спекуляции, на которые они могут отважиться, а их кровное, никто деньги в банки не понесет. Все. С банковской системой будет покончено. Как и с современной экономикой в целом. Поэтому такое решение, такие действия недопустимы. Без аргументов. Без необходимости доказывания чего-либо. Просто недопустимы, и basta. Сказать, что ни при каких обстоятельствах, может, и преувеличение. Но близко к тому.

Конечно же, решение еврогруппы создает прецедент. Все утверждения об обратном – чистой воды обман. Оно релятивизирует государственные, международные банковские гарантии сохранности денег. Частной собственности вообще. Психологически удар нанесен. Непоправимый. Теперь все будут знать, что их намеренно, целеустремленно, с пониманием того, что делается, могут ограбить. И этот фактор когда-нибудь скажется при возникновении паники невозврата денег, которая теоретически угрожает всем проблемным странам, всем тем, кто не в состоянии самостоятельно обслуживать свои суверенные долги, где угроза банкротства висит над системообразующими банками и финансовыми учреждениями. В их числе отнюдь не только Кипр или Греция, но и Испания, Португалия, Италия.

В прошлом к конфискации части денег, лежащих на депозитах, в качестве составляющей пакета мер спасения экономики отдельных стран никогда не прибегали. По понятным причинам. Существует жесткая иерархия рисков. Вкладывая деньги в акции, прямо или через посредство банков, фондов и т.д., вы рискуете. В бонды проблемных стран тоже. Как и выдавая кредиты под сомнительное обеспечение. Без необходимых материальных гарантий. Таковы правила игры. Возможность потерять часть вложений или, наоборот, получить большой приварок – суть этих правил. Прямо вытекает из них. Заложена в них. Депозиты, напротив, – тихая гавань. На них аналогичные риски распространять нельзя. Подобные действия полностью противоречат правилам игры в условиях рыночной экономики[40]. Поэтому решение «шокировало весь финансовый мир и напугало всех вкладчиков повсеместно». Породило глубочайшее недоверие к ЕС, к непредсказуемым действиям его руководства, для которого не существует никаких запретов, к его потрясающей способности превращать мелкие локальные неприятности в жесточайший кризис мирового масштаба[41].

В том, что касается прямого нарушения системы гарантий вкладчикам, имеющим депозиты на сумму до 100 тыс. евро, которые были обещаны Европейским Союзом и являются одним из элементов создаваемого в регионе банковского союза, эти «несообразности» были еврогруппой оперативно исправлены. Они вызвали панику на Кипре, массовые протесты и наибольшие нарекания[42]. Хотя уже то, что руководство стран «семнадцати» на такие вклады покусилось, продемонстрировало, что оно склонно подходить к своим собственным обещаниям сравнительно «гибко». Этот урок потенциальные вкладчики тоже усвоят.

А вот нарушение другой заповеди банковской системы, открытого рынка, мировой экономики, азов честного ведения бизнеса и справедливой конкуренции привлекло гораздо меньшее внимание. На него указали только отдельные специалисты. Возможности развить свою аргументацию им не дали. Решение еврогруппы по сути дела было направлено против иностранных вкладчиков. Против российских и британских держателей счетов в кипрских

банках и созданных ими филиалах иностранных банков. Именно их МВФ, Германия и К? предполагали «подстричь». Поэтому и решение приняли поспешно, со злорадством и удовлетворением. Но ведь, коли так, «семнадцать» пошли на откровенно дискриминационные меры. На дискриминацию в отношении иностранцев. С точки зрения этики современной рыночной экономики и международных финансов это откровенное нарушение. Жульничество. Мошенничество. Ни о каком открытом рынке, ни о какой рыночной экономике, ни о какой свободе не может идти речи, если спасаются за счет иностранцев. Если к ним применяются специальные меры. В данном случае, специальные дискриминационные условия. Если их грабят, чтобы спасти своих. Еще страшнее, если грабят, чтобы насолить. Что-то доказать. «Уронить» конкурента. В ситуации с Кипром им оказалась целая страна. Просто так, деля клиентов на своих и чужих.

И на то, что решение еврогруппы по Кипру нарушает базовые положения учредительных договоров ЕС относительно четырех свобод общего рынка, обратили внимание только в последний момент. В частности ст. 63 Договора о Европейском Союзе[43]. Сейчас это одна из наиболее ходовых тем. Ведь то, что Франкфурт, Брюссель и Вашингтон сообща столь вольготно переиначивают букву и дух постулатов общего рынка, открывает людям глаза. Они начинают понимать, что и другие, казавшиеся ранее незыблемыми, правила игры, принятые в ЕС, находятся под угрозой. В любой момент, руководствуясь сугубо конъюнктурными соображениями, гранды ЕС их запросто переписуют[44]. Понятно, что предотвратить бегство капиталов с Кипра и вообще вымывание денег можно только с помощью административных запретов на транзакции за пределы острова и снятие крупных сумм с депозитов. Но ведь такие меры означают, что свобода передвижения капиталов на Кипре больше не действует. Страна в этом отношении, хотя это нигде юридически не оформлено, выведена за рамки ЕС. Получается, что единая валюта в еврозоне разная[45]. Она делится на ту, которой можно пользоваться беспрепятственно, и ту, про которую можно сказать: близок локоток, да не укусишь. И еврозоны со свободой движения капиталов в прежнем виде, будем надеяться временно, больше не существует[46]. Ограничения на финансовые операции добивают и так наполовину парализованную экономику Кипра. Кроме того, нет ничего более постоянного, чем временные меры. В прошлом, когда Аргентину довели до примерно такого же состояния, она целый год боялась отказаться от введенных запретов и ограничений, понимая, чем это чревато. То, что Кипру пришлось пойти на такую чрезвычайщину, что его заставили, некоторые эксперты называют не просто большой, а «исторической ошибкой»[47].

Вместе с тем, решение было подвергнуто критике и по ряду других оснований. Российское руководство было оскорблено тем, что с ним лидеры ЕС элементарно не посоветовались. Консультации относительно совместного спасения Кипра велись уже давно. Россия предоставила кредит Кипру на сумму в 2,5 млрд евро. Никосия просила еще 5 млрд. Решение Москва и Брюссель договорились обсуждать в увязке с другими мерами по спасению Кипра. Кроме того, есовцы неоднократно зондировали наличие у Москвы заинтересованности приобрести один из ведущих кипрских банков. Или как-то иначе поучаствовать в экономике островного государства. То, что решение приняли за спиной Москвы, было воспринято как нарушение элементарных норм порядочности. Как попытка переложить свои беды с большой головы на здоровую, как еще одно крайне неприятное свидетельство того, что ЕС не собирается считаться с чужими интересами. В данном случае российскими. Плюет на них, делает все, что его левая нога пожелает. В смысле принятия и осуществления мер

одностороннего характера.

Среди других оснований – потрясающе недемократический характер принятого решения. В который раз, указали специалисты, ЕС продемонстрировал, во что он в действительности ставит демократические процедуры. Он очень наглядно показал всем, каково его истинное отношение к мнению народа, общества, вообще всех. Что все делается скрытно, в тайне, за закрытыми дверями. Делается теми, кто ни перед кем за свои действия не отвечает. Никем не выбирается. Никем не контролируется. Антидемократический характер рядом специалистов называется самым отталкивающим и опасным в принятом решении. «Так называемый план спасения, — подчеркнул в частности французский исследователь Филипп Аскенази, — вписывается в общий ряд антидемократических решений. Европу откровенно строят без народа, прикрываясь формулой «иначе нельзя». А вот и другое признание. С него начинается редакционная статья газеты «Монд», вышедшей на следующий день после того, как власти Кипра сдались и приняли навязанный им план «спасения». Оно звучит так: «Если бы в этом была хоть какая-то необходимость, кипрский кризис помог бы открыть глаза на кризис легитимности, переживаемый европейскими институтами, как на наднациональном уровне, так и на уровне государств-членов»[48].

Решение заслуживает осуждения, также указывают эксперты, потому, что оно противоречит элементарным, базовым представлениям не только о демократии, демократическом процессе, демократических процедурах, но и о равенстве и справедливости. Ведь что получается, вкладчиков и других собственников обобрали, бизнес модель острова разрушили, значительной части средств к существованию лишили, а относительно возвращения займствований институтам ЕС и выплат по суверенным долгам (в основном спекулятивным хедж-фондам) шалишь – Кипр все всем должен компенсировать до последней копейки[49]. То есть на островное государство наложен карантин. От континента оно изолировано. Все финансовые интересы остальных стран и кредиторов Кипра в полном объеме гарантированы. Под видом помощи. А на самом деле – за счет тех, кого назначили потерпевшими от реструктуризации национальной банковской системы. Назначили совместными усилиями Франкфурта, Брюсселя и Вашингтона. Под этим углом зрения понятнее становится, почему жители острова восприняли то, что выдается за их спасение, скорее как оккупацию. В частности турецкими войсками в 1974 г. До этого многими другими. Только на этот раз не военную, а финансовую (или, чуть иначе, «экономическую интервенцию со стороны наших партнеров с севера Европы»)[50]. Хотя хрен редьки не слаще. Эффект тот же[51].

Оно было подвергнуто критике также с позиций геополитики и нормального продуманного международного сотрудничества. Как можно так поступать в отношении страны, находящейся на перекрестке глобальных интересов, задалась вопросом отдельные политологи. Разделенного острова, являющегося камнем преткновения в отношениях между Грецией и Турцией, ЕС и Россией и т.д. Острова, расположенного в двух шагах от самого нестабильного в мире региона. Вблизи от региона, где уже идет кровавая страшная война на взаимное уничтожение. Если только не имелось в виду обескровить Никосию, чтобы заставить ее пойти на мировую с турками-киприотами или даже, бери больше, на поклон к Турции. Ведь без урегулирования конфликта, воссоединения острова и нахождения модус-вивенди с Анкарой рассчитывать на освоение колоссальных запасов углеводородов на шельфе Кипра не приходится[52].

Решение критиковалось еще по одному экзотическому основанию. Мол, оно давало возможность России перехватить инициативу, включить Кипр в ее сферу влияния, перекинуть туда из Сирии тыловую базу российского ВМФ и т.д.[53] Спекуляции чистой воды. Но, видимо, выгодные Западу для камуфляжа, коли они продолжали усиленно муссироваться и после того, как стало очевидным: подставлять плечо Кипру вместо ЕС и на своих условиях Кремль не может и не будет[54].

А вот другое основание для критики выглядит гораздо реалистичнее. Такое решение не могло не испортить добрые отношения или просто отношения между Россией и ЕС[55]. Оно и испортило. В еще большей степени, чем раньше. Хотя отдельным российским экспертам очередной кризис или столкновение интересов между Россией и ЕС дали повод зло пошутить: мол «нельзя испортить того, чего нет»[56].

Наконец, отмечается, что решение навязано как чистой воды диктат. «То, как обошлись с Кипром его партнеры по еврозоне, показывает, — подчеркивают аналитики, — что это не валютный блок, действующий как союз равных, а разобщенная группа государств, в которой национальные интересы крупных держав превалируют над общим интересом»[57]. Раньше стране наносили поражение в войне и потом распинали, взимая контрибуцию. Сейчас для этого используется евро. Пусть и правильно, и справедливо. Решение никак нельзя назвать полученным в результате переговоров. Согласие на него вырвали у киприотов под угрозой прекращения подпитки основных банков ликвидностью и наступления хаоса в финансовом хозяйстве острова. И самое существенное — ни при каких условиях решение не способно обеспечить санацию национальной экономики. Ведь оно лишает мини-государство основного источника поступления средств — частных вкладов, которые по окончании чрезвычайного положения, естественно, покинут остров. Или больше не придут на него. Оно разрушает всю экономику страны под предлогом ее лечения. Не только банковскую систему. Уже разрушило, сломало, растоптало, отмечают некоторые комментаторы. «Со стороны это может показаться преувеличением, — указывают они, — но сами киприоты воспринимают произошедшее, как тотальный катаклизм»[58].

Потом решение прямо противоречит базовой концепции построения банковской системы, на которой настаивает Европейский Союз. Ведь Брюссель требовал от всех перехода к такой банковской системе, где работа с депозитами отделена от финансовых спекуляций и рискованных капиталовложений, где основу составляют именно депозиты. Но вся банковская система Кипра базируется на депозитах. Они доминируют в портфелях банков. ЕС, «тройка», «семнадцать» подвергли остракизму или, иначе, кровопусканию именно то ведение бизнеса, которое они на словах расхваливают.

Пожалуй, последнее. Европейский Союз всегда бил себя в грудь, утверждая, что он строится на солидарности, что для него солидарность является самой большой ценностью. История с Кипром продемонстрировала всему миру, как в реальности обстоит дело. Ради мизерной суммы по масштабам ЕС и руководствуясь лишь конъюнктурными предвыборными интересами, уверены теперь многие, народ и экономику островного государства отдали на заклание. Не понятно только, ради кого и ради чего была принесена эта жертва. Показательно, что аналитики и корреспонденты популярной французской газеты «Ле Монд» с удовольствием цитируют или якобы цитируют простых киприотов. Вот их слова: «Так не поступают с людьми,

с народом. Европа не проявила солидарность. Она предприняла попытку уничтожить нашу финансовую систему». А то, что финансовая система, да и вся экономика Кипра фактически уничтожена, у большинства экспертов сомнений не вызывает[59]. Падение ВВП будет колоссальным. От 5 до 10% — это самые оптимистические прогнозы. Без работы останется огромная часть населения страны. Экономика острова не восстановится, возможно, и через десять лет. «Действуя настолько грубо и жестоко, ЕС убивает не только финансовую систему, — с тоской разъясняет бывший министр финансов Стеллос Килларис, — но и всю экономику Кипра»[60].

И, наконец, кто вообще вызвал кризис именно в этом месте и в это время? Сам ЕЦБ, заявивший, что больше не будет принимать кипрские государственные долговые бумаги в обеспечение передаваемой кипрским банкам ликвидности, и Германия, наряду с Нидерландами, вообще вбросившие в обсуждение идею подключить к спасению Кипра иностранцев, держащих там большие деньги на депозитах, а затем, увидев, что она проходит, превратившие единовременный налог на депозиты или списание средств в обязательное условие предоставления помощи.

Когда решение еврогруппы о пакете помощи только стало известно, аналитики попытались разобраться в том, насколько оно состоятельно и какие последствия может иметь. Несколько позже стали появляться предположения о том, что стоит за этим решением. Чем оно мотивировано, помимо желания переложить тяжесть спасения островного государства на плечи российских вкладчиков. Зачастую журналисты и комментаторы прибегали к спекуляциям. Иногда старались выстраивать какие-то концепции и озвучивать предположения, отталкиваясь от того, что говорили простые киприоты, люди с улицы. Среди них попадаются самые неожиданные, точно также, как и само собой разумеющиеся, напрашивающиеся. Попробую привести их, не выстраивая какой-либо иерархии.

1. Решение продиктовано Германией. На следующий день после окончательного решения еврогруппы по Кипру ведущие мировые издания вышли приблизительно с одними и теми же заголовками: «победа МВФ и Германии», «МВФ и Германия заставляют Кипр подчиниться» и т.д.[61] Вариант - связано с предстоящими выборами в Германии. Отсюда формула: «Вся Европа не должна подхватывать простуду каждый раз, как в Германии предстоят выборы»[62].

2. Вокруг Германии объединились все крепкие экономики еврозоны, включая страны с рейтингом ААА. Они воспользовались тем, что на введении единовременного налога на депозиты или замораживании (реквизиции) больших состояний в кипрских банках настаивал МВФ. Мол, ему надоело, что ЕС всегда медлит, тянет с принятием давно назревших мер, и, если и принимает их, то заведомо половинчатые и недостаточные. Иначе трудно объяснить, почему МВФ, вклад которого в спасение Кипра минимален (на уровне 1 млрд евро), навязывает свои подходы всем остальным[63].

3. Еврозона хотела не столько обобрать киприотов, сколько заставить их осуществить массовую приватизацию, повысить налог на корпорации и запустить реструктуризацию банковского сектора[64]. То, что при этом затрагиваются частные интересы, уже механика.

4. Решение является отголоском борьбы России, Германии, Франции и других за контроль над гигантскими запасами газа, обнаруженными на шельфе Кипра. Германии и ЕС нужны

российские деньги и газ[65]. После того как Кипр убедился в том, насколько он привязан к ЕС, и неспособности кого-либо еще помочь ему, эта цель достигнута. «Кораблекрушение» острова навечно приковало его к Союзу[66]. Теперь, как считают на острове, и месторождения газа к рукам приберут. Или, точнее, отберут[67]. А в штаб-квартирах НАТО и ЕС потирают руки: отныне и утечки конфиденциальной информации о переговорных позициях евро-атлантических структур прекратятся, и российских шпионов на острове можно будет поприжать и проч.[68]

5. Это месть островному государству. «Его заставляют расплачиваться за отсутствие дисциплины, отказ от «структурных реформ» и его предполагаемый статус «машины по отмыванию грязных денег». И далее: «В финансовом плане да, это наказание. Финансовый сектор Кипра понесет большие потери. Хотя частично они останутся виртуальными»[69].

6. Германия, поддерживаемая Нидерландами, Финляндией и некоторыми другими, захотела продемонстрировать всем, что хватит рассчитывать только на немецкие деньги и перекладывать на плечи налогоплательщиков ответственность за бездарное управление и экономические просчеты остальных стран. Дескать, пусть те, кто привел их к экономическому коллапсу, платят. Пусть Кипр послужит другим примером. Получается, что слабых, периферийных, по большому счету беззащитных киприотов выбрали в качестве «мальчиков для битья». Это их возмутило больше всего[70].

Почему. Кипр малонаселенный. Для мировой экономики не существенный. На то, что там происходит, ни в мире (за исключением России), ни в других проблемных странах ЕС никто не обратит внимания. Никакого кризиса, катастрофы, бегства капиталов – ничего такого не произойдет. Вопли, типа «это изнасилование: киприотов поимели, предложив расслабиться и получать удовольствие», так и останутся чисто эмоциональной реакцией. Истерикой. По большому счету, все именно так и получилось. Вопреки алармистам никто в Испании, Италии или где-либо еще в банки за своими деньгами не побежал. Даже в Греции. Биржи произошедшее просто не заметили. На стоимости бондов и займов других южан оно никак не сказалось[71]. Ни когда банковскую систему Кипра поставили на холд. Ни когда, после единодушного отказа парламентариев от первоначального пакета помощи, начались судорожные поиски нового решения[72]. Ни когда это новое решение 25 марта было оглашено. Как и на курсе евро[73]. Более того, бум на биржах продолжился, а периферийные страны смогли разместить на открытом финансовом рынке свои новые долговые обязательства под наименьший процент за все последнее время. В частности Ирландия и Португалия[74].

7. Такое решение было принято только потому, что огромную часть вкладчиков составляют россияне, в том числе российские олигархи и владельцы состояний, полученных не всегда безупречным способом[75]. Иначе почему МВФ, Германия, Нидерланды и примкнувшие отказались рассматривать альтернативные варианты спасения Кипра, нахождения иных источников финансирования спасательной операции, предложенных киприотами после того, как национальный парламент отказался поддержать план «А» (национализация пенсионных фондов, выпуск бондов под гарантии собственности, введение временного налога на три года и др.)[76]. Более того, Германия и Финляндия предложили Кипру вариант, который бы означал чистое списание всех крупных вкладов, т.е. российских денег. Суть предложения – Кипр объединяет два своих крупнейших банка. После этого он создает новый, в который идут все гарантируемые, т.е. спасаемые и тем самым ликвидные депозиты, не превышающие 100 тыс.

евро. Параллельно им учреждается т.н. «плохой» банк, подлежащий организованной ликвидации, в котором сосредотачивают все остальные. Президент Кипра воспротивился такой уж совсем откровенной форме конфискации иностранных авуаров[77].

Однако затем по причине отсутствия альтернативы вынужден был согласиться на близкий по своему характеру вариант. На плаву остается только Банк Кипра. Со счетов крупных вкладчиков удерживаются суммы в размере 20-40% от величины депозитов или как получится. В него перебрасываются из Народного Банка все гарантированные депозиты, не превышающие 100 тыс. евро. Остальные депозиты замораживаются, так же как и вся иная собственность, которой банк распоряжается, включая бонды и акции. Таким образом, Народный Банк превращается в «плохой» банк. В дальнейшем он ликвидируется. Роль хорошего банка возлагается на Банк Кипра с одновременной реструктуризацией и списанием существенной части его долговых обязательств.

Официальная версия ситуации на Кипре, за которой укрылись «тройка», ЕС и еврогруппа: все знают, что через Кипр крутятся российские «грязные деньги». Спасать их за счет немецких налогоплательщиков – никогда. Конфисковать часть этих денег или хотя бы заставить их поучаствовать в спасении Кипра – дело правильное и справедливое. Всюду в Европе к такому решению отнесутся с пониманием. Всем можно будет объяснить, что Кипр уникален. Нигде больше такого нет. Что Кипр – замкнутая система, на остальных никакого влияния не окажет. Что только там слегка обобрать вкладчиков правильно. Нигде больше повторяться не будет. К тому же россияне прекрасно осознавали риск, на который они шли. Они знали, что Кипр не кредитоспособен и может обанкротиться в любой момент. Они сыграли в рулетку и проиграли. Все остальные в ЕС тут не причем[78]. А чтобы из западни не выскочили даже те хитрецы, которые разбили свои счета на множество депозитов по 100 тыс. евро, можно было прочесть на страницах газеты «Интернешнл Геральд Трибьюн», в ослеплении было решено обобрать, в том числе, и мелких вкладчиков[79].

8. Часть экспертов предлагает посмотреть на ситуацию в совершенно иной перспективе. Экономика ЕС поражена раковой опухолью суверенных долгов и долгов финансовых институтов. Задолженность составляет порядка 320% ВВП «двадцати семи». Это страшная цифра. У США – всего 85%. Если болезнь не вылечить, региону никогда по-настоящему не подняться. Не справиться с безработицей. Не выйти вновь на траекторию здорового экономического роста. Долги тяжелейшим бременем лежат на его экономике. Долг надо сокращать. Иначе как возложив груз потерь на вкладчиков, не получится. Кредиторов уже «постригли». Следующие на очереди – крупные вкладчики. Никого лучше россиян в качестве первой жертвы было не подобрать. В случаях с Португалией, Испанией, Италией вкладчиков трогать не решились. Показалось слишком опасным. Кипр подошел как никакая другая страна. К тому же тем самым ЕС избегал превращения частных долгов кипрских банков в суверенные. Их стричь – подвергать угрозе всю финансовую систему ЕС. Стричь депозиты крупных вкладчиков кипрских банков – относительно безопасно. Пострадали бы только чужаки. Так и надо. Это начало общего тренда. ЕС нужно избавляться от обременительных долгов. Иного не дано[80].

9. Одной из главных целей обусловленного пакета помощи была не собственно стрижка депозитов – она рассматривалась, скорее, как инструмент – а приведение финансовой системы

Кипра к общеевропейскому знаменателю. В прошлом финансовая система была гипертрофирована по сравнению с масштабами кипрской экономики. С благословения МВФ после реструктуризации она должна сократиться до стандартных для ЕС 350% ВВП. Ультиматум со стороны «тройки» и еврогруппы стал первым шагом в этом направлении. Правда, так получилось, что резковатым[81].

Но это издержки переговорного процесса. Главное результат. А в заявлении еврогруппы по Кипру от 25 марта прямо указывается: к 2018 году финансовая система Кипра будет сокращена до средних показателей по Европейскому Союзу.

10. Пакет по Кипру – начало реализации долгосрочного плана по списанию всех видов долгов за счет всех слоев населения и иностранцев. Выбраться из кризиса иными средствами развитые государства Европы не могут. Не получается. Скорее всего, и не возможно. Значит, иного не дано. Надо найти только более-менее приемлемое распределение потерь. После чего – приступить к тотальной «стрижке» всех. Похоже, история с Кипром – «сигнал о том, что еврозона в долгосрочной перспективе сможет выжить, только если граждане и инвесторы сживутся с мыслью о том, что им придется смириться с потерями»[82]. В выступлениях официальных лиц и политиков Германии, Нидерландов, Финляндии, Эстонии и Ирландии уже проскочило, что опыт «спасения» Кипра будет востребован. Без возложения издержек на частный сектор оно в дальнейшем проводиться не будет[83]. Да и МВФ занимает все более жесткую позицию[84]. Ему и Германии удалось сейчас. Получится и в будущем пресекать попытки сохранять на плаву системообразующие и просто проблемные банки за госсчет. Все, шалишь, теперь пусть те, на чьи деньги они живут, расплачиваются[85]. Следующими на очереди могут оказаться Словения или Латвия (хотя последняя и подала, видимо некстати, официальную заявку на прием в еврозону. Некстати не только из-за подозрений северян в ее адрес, но и потому что «против» большинство населения. Во всяком случае, так утверждает в статье «Латвия на пороге еврозоны» из рубрики «Валюта».) Да и бизнес модели экономического развития Мальты и Люксембурга, якобы, вызывают большие подозрения[86]. В дальнейшем эти высказывания были дезавуированы. Но сие мало кого успокоило[87].

11. Германия и группа северян проявили беспрецедентную настойчивость и неуступчивость при обсуждении схемы спасения Кипра потому, что решение по Кипру имело критическое значение для будущей конфигурации Европейского Союза, для осуществления всего европейского проекта. Прояви они слабость и пойдти на уступки киприотам, никому не нужным, бессильным и беззащитным, до которых, по большому счету, никому дела нет, все остальные южане этим бы обязательно воспользовались. У французов, итальянцев, испанцев и других возможностей противостоять немецкому диктату гораздо больше. Уступки означали бы смену парадигмы, потерю всего, что Германии удалось завоевать. Отказ от германоцентричной Европы, от построения ее по германскому образу и подобию[88].

Как привыкшие к роскоши, расточительные, не выдерживающие конкуренции южане, с одной стороны, и рачительные и эффективные северяне, с другой стороны, вообще могли объединиться, не понятно. Кризис вокруг Кипра показал, что они и не думали сливаться в одно целое. Испытание Кипром касалось того, кто подомнет под себя ЕС. Кто будет играть в нем первую скрипку. Какими в дальнейшем будут правила игры[89].

Однако какие бы объяснения решению еврогруппы не давались, какие бы объяснения не

выдумывались, трудно не согласиться с выводами неангажированных экономистов. Их недоумение не имеет пределов. Как они считают, интересы, стоящие за решением, могут быть самые разные. Но ни все они, вместе взятые, ни, тем более, какие-то одни не могут оправдать страшный удар, нанесенный еврогруппой по экономике Кипра и косвенно по всей европейской экономике. Оно уже имело катастрофический эффект для Кипра. Совершенно непонятно, зачем из-за 17 млрд евро «семнадцать» отважились на то, чтобы пожертвовать стабильностью всей банковской и финансовой системы континента и доверием к ней[90].

В завершение еще несколько слов о том, что история с Кипром действительно вписывается, прежде всего, в противостояние Юга и Севера еврозоны и ставит под вопрос состояние всего европейского проекта, как было акцентировано в начале. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно взять французскую газету «Монд» за 24-25 марта. Целый разворот в ней так и озаглавлен: «На Юге Европы разгораются антигерманские настроения»[91]. Но и другие комментаторы акцентируют именно этот момент. Так, один из постоянных авторов газеты «Файнэншл Таймс» вполне справедливо пишет: как показывает кипрский кризис, «наибольшей проблемой остается все же глубокая пропасть в доверии и политической культуре между северной и южной Европой. В прошлом, до кризиса, когда дела шли хорошо, считалось политически некорректным, даже попахивающим ксенофобией, говорить о том, что стандарты добропорядочного поведения в общественной жизни существенно варьируются от страны к стране, и что в этом сложность для организации, посвятившей себя достижению «все более тесного союза». Теперь, однако, очевидно, что отсутствие конвергенции в доверии и политической культуре столь же значимо, если не больше, чем отсутствие экономической конвергенции»[92].

Мы намеренно уделили кипрской истории так много внимания, поскольку она наглядно объясняет, кто есть кто в Европейском Союзе, как и кем здесь делается политика и в чьих интересах, и что думают в Брюсселе и государствах-членах по поводу сотрудничества с Российской Федерацией. Но в номере, конечно же, вы найдете множество и других материалов – по очень широкой палитре проблем. Статья «Обмен любезностями» из рубрики «Партнерство» прекрасно иллюстрирует, почему экспертное сообщество так скептически воспринимает все официальные заявления о стратегическом партнерстве между Россией и ЕС. В будущем будет еще более скептически, разъясняется в статье «Изменения в законодательстве ЕС в области международной торговли» из рубрики «Экономика». И можно давать очень дельные советы, выступать с самыми разнообразными прожектами, как это сделано в докладе «Российская Федерация и Европейский Союз на перепутье», помещенном в рубрику «Взгляд из Брюсселя», все равно они останутся не более чем добрыми намерениями или пожеланиями. А ими известно, куда путь вымощен. Тем более что советы, исходящие от есовцев, воспринимаются сейчас со здоровой долей скептицизма. Слишком уж долго наши партнеры по континенту мирятся с такими страшными недугами, как, например, зашкаливающая безработица. Статью на эту тему «ЕС «приговорен» к безработице?» вы найдете в рубрике «Проблема». Но косвенно о ней же идет речь и в материалах «Ловушка для доверчивых» из рубрики «В фокусе» и «Португалия: где найти работу?» из рубрики «Иммиграция». Насколько обоснованы страхи англичан по поводу наплыва безработных румын и предпринимаемые правительством Дэвида Камерона упреждающие меры, разбирается в материалах «Лондонская полиция опасается наплыва буйных румын» и «Далеко не все румыны мечтают о ПМЖ в Британии» из рубрики «Политика». Еще одна рукотворная беда, с которой

ЕС может столкнуться уже в ближайшем будущем, – острый энергетический кризис. Как показано в блоке статей из рубрики «Энергетика», перекосы, допускаемые ЕС и отдельными государствами-членами в этой сфере, могут очень больно аукнуться интеграционному объединению.

По устоявшейся традиции журнала большое внимание в номере уделяется тому, как сказывается кризис на ситуации в отдельных членах ЕС и связанных с ней странах. О Германии, Великобритании, Франции, Испании, Италии, Нидерландах, Финляндии, Эстонии и Австрии упоминалось в одном контексте. О Кипре, Мальте, Люксембурге, Словении, Латвии – в несколько другом. Несколько слов о материалах, посвященных другим участникам интеграционного проекта. В Венгрии правящее большинство, вопреки предупреждениям и советам Брюсселя, продолжает осуществлять курс на концентрацию политической власти в руках подконтрольных ему парламента и правительства и, как утверждают Европейский Союз и Совет Европы, ломают демократические «сдержки и противовесы». Одновременно оно обложило специальным налогом иностранные банки, действующие в стране, и вынашивает планы заняться созданием альтернативных финансовых структур. Благодаря этому предполагается расплатиться по долгам и выйти на траекторию устойчивого роста. В каком контексте это происходит, рассказывается в статье «Гуляш венгерский, переперченный» из рубрики «В фокусе». В Ирландии дела понемногу выправляются. Признаки улучшения разбираются в материале «Ирландия: немного солнца в холодной воде» из этой же рубрики, хотя все по-прежнему признают, что страну ожидают тяжелые времена. В Альпийской стране, как информирует материал «Швейцария: Давид победил Голиафа» из рубрики «Дневник событий», народ по итогам референдума предписал акционерам утверждать заработные платы и другие выплаты топ-менеджерам крупных компаний, удерживая их в разумных рамках. Предполагается, что столь притягательному примеру последуют постепенно все соседние страны. Это непосредственное следствие кризиса. В Словении судьба страны доверена женщине. Удастся ли ей переломить ситуацию и справиться с экономическим спадом, задается вопросом автор материала «Словения: выполнима ли миссия Аленки Братушек?», но он остается висеть в воздухе. Афины, как указывается в статье «Греции были навязаны невыполнимые условия, считают банкиры» из рубрики «Валюта», добились некоторых успехов. Но они могли быть существенно больше, если бы предоставленный им пакет помощи учитывал местные социальные и политические условия. В Италии никак не удается сформировать правительство. Неопределенность начинает приобретать пугающий характер. Но кто в этом виноват? Ведь не население же. Похоже, поясняется в статье «Итальянские выборы как зеркало идеологического бессилия» из рубрики «Комментарий», их итоги связаны с тем, что творится в Европе в целом.

Тем, кто, помимо материалов по политической, экономической и международной тематике, хотел бы почитать что-то еще, советуем заглянуть в многочисленные другие, ничуть не менее интересные, рубрики журнала. В таких, как «Персона», «Традиции», «Открываем Старый Свет» вы сможете познакомиться с политическими портретами самых разных выдающихся личностей как прошлого, так и современности, узнать о карьерных перспективах некоторых из них. (Статьи «Сьянс-По» обрела ректора», «У нас есть папа», «Эмир Катара готов трудоустроить Саркози», «Женщина и пикирующий бомбардировщик».) О новшествах в области образования узнать из раздела «Век учись». (Статьи «Франция: министр замахнулся на святое», «Шестидесятникам предлагают грызть гранит науки до упора»). Просто отдохнуть

душой и полетать на крыльях фантазии, зайдя в раздел «Привычки и нравы». Неизменно получаю удовольствие, читая и перечитывая умные, тонкие, глубокие произведения наших авторов, помещаемые в нем редакцией. Порой лиричные, порой намеренно жестокие и язвительные. И, конечно же, не пропустите раздел «Уголок науки». Нас окружает там много интересного, необычного и загадочного. Подчас легко объяснимого, но иногда и не вполне очевидного. И на десерт – «Калейдоскоп». Спешите углубиться в новый номер журнала. Он того стоит.

© *Марк ЭНТИН, главный редактор,
профессор МГИМО (У) МИД России
Екатерина ЭНТИНА, доцент НИУ ВШЭ*

[1] Arnaud Leparmentier. Reve allemande, cauchemar europeen // Le Monde, 28 fevrier 2013. – P. 18.

[2] Risto E.J. Pentilla. Germany calls the shots. Merkel isn't about to let the Cyprus crisis kill the euro or ruin her vision for Germany and Europe // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 22, 2013. – P. 6. (Автор – председатель Торговой палаты Финляндии)

[3] Marie de Verges, Adrien de Tricornot. Gagnants et perdants de l'euro surevalue // Le Monde, 12 mars 2013. – P. 4-5.

[4] Цитируется по А. de Т. Refonder une devise germano-mediterraneenne // Le Monde, 12 mars 2013. – P. 5.

[5] Philippe Ricard. Pas de panique, l'Europe n'est pas a l'agonie! // Le Monde, 7 mars 2013. – P. 23.

[6] Risto E.J. Pentilla. Germany calls the shots. Merkel isn't about to let the Cyprus crisis kill the euro or ruin her vision for Germany and Europe // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 22, 2013. – P. 6.

[7] Editorial. Europe blunders on. Eurozone needs to move beyond universal austerity // Financial Times, March 16, 2013. – P. 6.

[8] Wolfgang Munchau. The break-up of the Eurozone edges even closer // Financial Times, March 25, 2013. – P. 9.

[9] Julia Werdigier. Calls escalate for Britain to take a break on austerity // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 18, 2013. – P. 1.

[10] Eric Albert. Au Royaume-Uni, Le parti antieuropeen UKIP confirme sa percee // Le Monde, 5 mars 2013. – P. 5.

[11] Chris Giles, George Parker. No plan B // Financial Times, March 15, 2013. – P. 7.

[12] Editorial. Le pari de Cameron: politique de l'offre contre recession // Le Monde, 22 mars 2014. – P. 1.

- [13] Anatole Kaletsky. Britain embraces borrowing // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 22, 2013. - P. 16, 18.
- [14] James Kanter, Stephen Castle, Niki Kitsantonis. Barroso urges E.U. to keep cutting debt. Leaders are told to resist temptation to ease up on austerity campaigns // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 12, 2013. - P. 14.
- [15] Guido Westerwelle. Europe needs austerity and reform - not spending // Financial Times, March 15, 2013. - P. 9.
- [16] Цитируется по Peter Spiegel, James Fontanella-Khan. Monti analysis guides debate on answers to austerity crisis // Financial Times, March 16-17, 2013. - P. 2.
- [17] Цитируется по Quentin Peel, Hugh Carnegie, Peter Spiegel. Germany ignores eurozone's growth plea // Financial Times, March 14, 2013. - P. 1.
- [18] Редакционная статья Going for growth // Financial Times, March 14, 2013. - P. 8; Michael Steen. German budget divides opinion // Financial Times, March 14, 2013. - P. 4.
- [19] Приводится по Philippe Ricard. Les Vingt-Sept en quete d'un equilibre rigueur-croissance // Le Monde, 13 mars 2013. - P. 11.
- [20] Le Portugal obtient un repit d'un an. C'est en reconnaissance de la "performance exemplaire" du Portugal que ses creanciers lui ont accorde vendredi un an de plus pour reduire deficit et depenses // Quotidien, 16-17 mars 2013. - P. 8; Marie de Verges. Le Portugal obtient un an de repit pour reduire son deficit // Le Monde, 18 mars, 2013. - P. 14.
- [21] Marisandra Ozolins. Cap inchange. L'assainissement budgetaire reste la priorite de l'UE // Le jeudi, du 21 au 27 mars 2013. - P. 11.
- [22] Josef Joffe. Berlin is right to insist that no gain is without pain // Financial Times, March 22, 2013. - P. 9.
- [23] Josef Joffe. Ibid. - P. 9.
- [24] Josef Joffe. Ibid. - P. 9.
- [25] Philippe Ricard, Marie de Verges. Chypre coincidee entre Moscou et Berlin. La zone euro demande a Nicosie d'exonerer les petits epargnants, quitte a taxer davantage les investisseurs russes // Le Monde, 20 mars 2013. - P. 2.
- [26] Philippe Ricard, Marie de Verges. Ibid. - P. 2.
- [27] Peter Spiegel, Kerin Hope, Quentin Peel. A poor diagnosis, a bitter pill. EU officials underestimated ties between the government and the island's banks // Financial Times, March 23-24, 2013. - P. 5.
- [28] Philippe Ricard. Un plan de sauvetage de 10 milliards d'euros pour Chypre. Un tabou a ete leve : les depots sur les comptes bancaires chypriotes seront taxes, ce qui devrait rapporter 5,8 milliards d'euros a Nicosie // Le Monde, 17-18 mars, 2-13. - P. 13.

- [29] Peter Spiegel, Kerin Hope, Quentin Peel. Ibid. – P. 5.
- [30] Peter Spiegel. Fate of island depositors was sealed in Germany // Financial Times, March 18, 2013. – P. 18.
- [31] Anne Michel. Le destin de l'île lie a ses banques // Le Monde, 20 mars, 2013. – P. 3.
- [32] Anne Michel. Ibid. – P. 3.
- [33] Charles Clover, Courtney Weaver. Russia lashes out at Cyprus bank levy. Moscow criticizes failure to consult // Financial Times, March 21, 2013. – P. 2.
- [34] Charles Clover, Courtney Weaver. Russian business deals on hold // Financial Times, March 20, 2013. – P. 13; Andrew E. Kramer. Russia condemns plan as “unfair” plot to seize money from its citizens // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 19, 2013. – P. 1.
- [35] Charles Clover, Courtney Weaver. Russia lashes out at Cyprus bank levy. Moscow criticizes failure to consult // Financial Times, March 21, 2013. – P. 2.
- [36] Обратный перевод с английского. Цитируется по Neil Buckley, Charles Clover. Medvedev hits at EU over Cyprus debt crisis. Levy on deposits compared to Soviet era // Financial Times, March 21. – P. 1.
- [37] Hugo Dixon. For Cyprus, the least bad may be best // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 21, 2013. – P. 14.
- [38] Editorial. Chypre, ou le risque d'une panique bancaire // Le Monde, 19 mars, 2013. – P. 1.
- [39] Philippe Ricard. Chypre, le sauvetage qui fragilise la zone euro // Le Monde, 19 mars, 2013. – P. 15.
- [40] Patrick Jenkins, Mary Watkins. Eurozone optimism derailed in a flash // Financial Times, March 19, 2013. – P. 1.
- [41] Ralph Atkins, Mary Watkins. Cyprus spreads fear of contagion across Europe // Financial Times, March 19, 2013. – P. 25.
- [42] Patrick Jenkins, Alex Barker. Swoop on savers “a bleak day for banking union” // Financial Times, March 19, 2013. – P. 3.
- [43] John Dizard. No easy capital flight from Cyprus plight // Financial Times, March 25, 2013. – P. 8.
- [44] Liz Alderman. Cyprus sets severe limits on withdrawals // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 28, 2013. – P. 14.
- [45] Liz Alderman, Dimitrios Bounias, Andreas Ris. // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 29, 2013. – P. 15.
- [46] Floyd Norris. Cooling off the hot money in Cyprus // International Herald Tribune, The Global

Edition of the New York Times, March 29, 2013. - P. 15.

[47] Hugo Dixon. A victim of its own mistakes // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 25, 2013. - P. 18.

[48] Editorial. Pardonnez-leur, ils savent ce qu'il font // Le Monde: eco&entreprise, 26 mars 2013. - P. 1.

[49] Landon Thomas Jr. Pain begins to register in Cyprus. Rest of financial world remains cool, but rage is surfacing on the island // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 29, 2013. - P. 14, 15.

[50] Benoit Vitkine. Le plan d'aide a Chypre va "tuer" son economie. Andreas Neocleous, l'un des intermediaires preferes des Russes sur l'ile, s'indigne de l'hypocrisie des Europeens // Le Monde, 29 mars 2013. - P. 13.

[51] Landon Thomas Jr. Pain begins to register in Cyprus. Rest of financial world remains cool, but rage is surfacing on the island // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 29, 2013. - P. 14, 15.

[52] Daniel Dombey. Ankara turns up the heat on Cyprus // Financial Times, March 28, 2013. - P. 4; Guillaume Perrier. La Turquie, un observateur inquiet // Le Monde, 29 mars 2013. - P. 13.

[53] West on alert for Russian challenge on security issues // Financial Times, March 22, 2013. - P. 4.

[54] Tony Barber. The tremors hitting Cyprus could shake the world // Financial Times, March 23-24. - P. 7.

[55] Marie Jégo. La crise a Chypre envenime les relations entre la Russie et l'Union europeenne // Le Monde, 23 mars 2013. - P. 7.

[56] Neil Buckley, Charles Clover. Moscow relations under strain after EU own goal // Financial Times, March 22. - P. 4.

[57] Christopher Pissarides. The view from Cyprus - not all nations are equal // Financial Times, March 28, 2013. - P. 9.

[58] Landon Thomas Jr. Pain begins to register in Cyprus. Rest of financial world remains cool, but rage is surfacing on the island // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 29, 2013. - P. 14, 15.

[59] Courtney Weaver. Islanders fear mass exodus as poachers hunt Russians // Financial Times, March 25, 2013. - P. 2; Liz Alderman. Cyprus's image as home to business is tarnished // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 25, 2013. - P. 14.

[60] Эти слова Министра приводятся в статье Benoit Vitkine. Apres le choc, Chypre vit l'angoisse du "bank run" // Le Monde, 28 mars 2013. - P. 4.

[61] Philippe Ricard. Le FMI et Berlin imposent leur loi a Chypre // Le Monde, 26 mars 2013. - P. 12.

- [62] Цитируется по Alain Salles. A Chypre, "qui nous dit qu'il n'y aura pas de nouvelle mesure?" // Le Monde, 20 mars 2013. - P. 3.
- [63] Philippe Ricard, Marie de Verges. Chypre coincée entre Moscou et Berlin. La zone euro demande à Nicosie d'exonérer les petits épargnants, quitte à taxer davantage les investisseurs russes // Le Monde, 20 mars 2013. - P. 2.
- [64] Alain Salles. A Chypre, "qui nous dit qu'il n'y aura pas de nouvelle mesure?" // Le Monde, 20 mars 2013. - P. 3.
- [65] Alain Salles. Notre économie est fondée sur les fonds russes. S'il s'en vont, elle est détruite // Le Monde, 21 mars, 2013. - P. 6.
- [66] Philippe Ricard. Le magasin de porcelaine chypriote // Le Monde: Geo & politique, 24-25 mars 2013. - P. 1.
- [67] Christopher Pissarides. The view from Cyprus - not all nations are equal // Financial Times, March 28, 2013. - P. 9.
- [68] Steven Erlanger, James Kanter. For Europe a crisis that sends tough message // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 26, 2013. - P. 1.
- [69] Из интервью директора по исследованиям Национального центра социальных исследований Франции (CNRS) Филиппа Аскенази. Приводится по Claire Gatinois. "L'Europe se fait sans les peuples". Propos recueillis de Philippe Askenazy // Le Monde, 20 mars 2013. - P. 2.
- [70] Hugo Dixon. For Cyprus, the least bad may be best // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 21, 2013. - P. 14.
- [71] Andrew Ross Sorkin. Why Cyprus won't lead to disaster // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 20, 2013. - P. 16.
- [72] Ralph Atkins. What crisis? Hunt the Cyprus effect // Financial Times, March 23-24. - P. 13.
- [73] Alice Ross. Cypriot crisis fails to damp euro's rise against dollar // Financial Times, March 23-24. - P. 13.
- [74] Robert Wigglesworth. Eurozone periphery bond sales return to strength // Financial Times, March 25, 2013. - P. 15.
- [75] Gideon Rachman. How Europe's leaders ran out of credit in Cyprus // Financial Times, March 19, 2013. - P. 9; Misha Glenny. Russian cash in Cyprus is no mere financial problem // Financial Times, March 25, 2013. - P. 9.
- [76] Alain Salles. Chypre sans... // Le Monde, 21 mars 2013. - P. 6.
- [77] Kerin Hope, Andreas Hadjipapas, Peter Spiegel. Cyprus banks shut till next week // Financial Times, March 21, 2013. - P. 2.
- [78] Andrew Ross Sorkin. Ibid. - P. 16.

[79] James Kanter, David Jolly, Raphael Minder, Bettina Wassener, Andreas Riris. European officials trade blame over Cyprus // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 19, 2013. - P. 16.

[80] Peter Evis. In Cyprus, Europe starts to reckon with its debt. By forcing losses, region takes a step towards healing its economy // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 20, 2013. - P. 14, 16.

[81] Patrick Jenkins, Kerin Hope. Fight is on to cut Cyprus big lenders down to size // Financial Times, March 20, 2013. - P. 3.

[82] Landon Thomas Jr. A "Cyprexit" might not be a calamity for euro zone // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 22, 2013. - P. 16, 18.

[83] Dans le monde. EU // Le Quotidien, 25 mars 2013. - P. 5; Peter Spiegel. Eurozone shifts burden of risk from taxpayers to investors // Financial Times. March 26, 2013. - P. 1.

[84] Robin Harding. Tough IMF stance adds to growing tension with European Commission // Financial Times, March 28, 2013. - P. 4.

[85] James Kanter. For Europe, crisis sends tough message // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 26, 2013. - P. 15.

[86] James Fontanella-Khan. Finance capitals heed Brussels warning; Kester Eddy. Slovenia; Richard Milne. Latvia; James Fontanella-Khan. Malta // Financial Times, March 28, 2013. - P. 4.

[87] Jean-Pierre Stroobants, Claire Gatinois, Frederic Lemaitre. A son tour montre du doit, le Luxembourg rejette toute comparaison avec Chypre // Le Monde, 29 mars 2013. - P. 14 ; David Jolly. Luxembourg rejects comparison with crisis in Cyprus // International Herald Tribune, The Global Edition of the New York Times, March 28, 2013. - P. 14.

[88] Josef Joffe. Berlin is right to insist that no gain is without pain // Financial Times, March 22, 2013. - P. 9.

[89] Josef Joffe. Ibid. - P. 9.

[90] Alain Salles. A Chypre, "qui nous dit qu'il n'y aura pas de nouvelle mesure?" // Le Monde, 20 mars 2013. - P. 3.

[91] Le sentiment anti-allemand flambe en Europe du Sud // Le monde, 24-25 mars 2013. - P. 2-3.

[92] Gideon Rachman. How Europe's leaders ran out of credit in Cyprus // Financial Times, March 19, 2013. - P. 9.